

З А Н А В Е С П О Д Н Я Т

(Окончание).

уделить внимания на раскрытие внутренней эволюции своей героини. Ведь Софья в конце пьесы во многом уже не та, что в начале, когда она робко спрашивала у Якова совета относительно встречи с Соколовой.

В образе Веры, младшей дочери Софьи, наоборот — слишком резкий переход от беззаботной шаловливой девочки к циничной, злой и хищной женщине. Конечно, Вера стала совсем другой и арт. Л. Иванова очень хорошо, в ряде сцен талантливо, показала и «прежнюю» и «теперешнюю» Веру, но, на наш взгляд, следовало бы все же сильнее подчеркнуть в Вере те тенденции, которые исподволь способствовали ее перерождению если оно окончательно и не остается никакой уже веры в 16-летнюю Веру...

Правдиво и убедительно провел свою роль одаренный молодой актер Ю. Косых, играющий Петра. Мы видим честного юношу, понимаем его порывы к хорошему, светлому в жизни, искренне сочувствуем его мучительному, болезненному самоанализу и убеждаемся, что как бы ни был отравлен тлетворными бактериями своего дома, он не пойдет по пути отца или старшего брата. В нем не исчезла еще до конца вера в то, что есть на свете честные люди, тогда как у Любови она давно убита особыми обстоятельствами ее жизни, а у Александра и Надежды ее вообще не было.

Роль Любови, по вине отца ставшей с раннего детства уродом, эту очень трудную и ответственную в пьесе роль, арт.

З. Четветкина выполняет с присущим ей мастерством, умно, ярко. Пусть ее Любовь выглядит старше горьковской, — в этом есть и свое преимущество, ибо ее гневные, нередко язвительные реплики, звучащие пощечинами коломийцевне, приобретают более весомый, более убедительный характер. В Любови мы видим и горькую жертву и гневного судью бесчеловечного мира деспотизма.

Совершенно иную роль играют в пьесе образы старших детей — Надежды и Александра. Они во многом противоположны младшим. Если Любовь видит в жизни только «одну дорогу» — смерть, то для Надежды, напротив, жизнь полна удовольствий и прелестей. Арт. А. Мазис сумела так органически перевоплотиться в свою героиню, что даже и придирчивому взгляду трудно заметить, что она «играет» Надежду. Артистка живет этой ролью — ролью капризной, избалованной деньгами и любовниками, хитрой циничной молодой развратницы. Подстава ей и братец Александр, великовозрастный шалопай и кутила. Не случайно именно они, вконец прожженные паразиты, — радуют сердце своего отца, Александр, правда, тем отличается от Надежды, что он, во-первых, на добрую половину (если не больше) глупее ее, и, во-вторых, тем, что он, по вине исполнителя арт. Л. Киселева, выглядит в спектакле довольно-таки блеклым... Он тоже излишне суеверен, часто почему-то мямлит — то скороговоркой, то заикаясь. Это в какой-то мере выдает трусоватое и подленькое нутро его, но для создания живого образа

таких средств, видимо, недостаточно.

Больше выразительности оставляет

желать и образ Якова, старшего брата Коломийцева, арт. В. Самойлова, конечно, особая трудность — физическая — немощь, скланность Якова. Но и при этом надо дать зрителю более ясный ответ на вопрос об Якове: кто он — или по-юношески пылкий мечтатель, или просто вялый, дряхлый, спокойный собравшийся на тот свет старик. Очевидно, не то и не другое, а нечто среднее?..

Просто, бескусоственно и задумчиво сыграна роль старой няньки Федосьи арт. В. Барышевой. И не вина исполнительницы, если принадлежащие ей по тексту реплики, звучащие часто невольно, вызывают в зале веселый, довольно легкий смехот. Об этом следует задуматься режиссеру. Конечно, элементы комедийности в этой драме есть. Об этом, в частности, говорит и нарочитая несуслажность женских имен: Вера, Надежда, Любовь и мать их Софья. Комедийные краски заметны в образах Александра, Надежды, отчасти их отца. Но все-таки типично комическими и сатирическими являются в пьесе только два образа — Леша и Якорев. И показаны они арт. В. Балдуевым и В. Тарутинным замечательно. Испытывавшее настоящее удовольствие даже от того, как зал живо реагирует на игру этих талантливых исполнителей. Видно, что они много поработали, глубоко поняли и горьковский замысел, и драматургический стиль его, вплоть до каждой из многочисленных в тексте пауз...

Все персонажи пьесы — это последние представители разлагающегося, неминуемо обре-

ченного на гибель строя, его последние яркие защитники и несчастные жертвы. Люди, вступившие в борьбу с этим строем на сцену широко не выведены. Они находятся там, за стенами дома Коломийцевых, но мы, зрители, постоянно их чувствуем, видим, как их борьба, их идеи вторгаются в мир «последних», колебля и сокрушая этот мир. Все это хорошо понято и показано в нашем театре. А выступающая на сцене вестницей этого нового мира мать революционера г-жа Соколова ярко олицетворяет, в четком исполнении арт. Л. Раковой, честность, высокое благородство, бесстрашие и неограничиваемую волю к победе. Соколова с гордостью и очень просто, как всем известную истину, говорит, что ее сын, «конечно, революционер, как все честные люди в России...» Эти слова, так поразившие Софью, не случайно были вымараны царской цензурой при печатании пьесы (к постановке она вообще была «признана неудобной»). Но горьковский голос, голос правды, голос нового мира, эти цензоры и их жандармские приспешники вроде Коломийцева, заглушить не смогли и не могут. Он все более мощно звучит во всем мире, убеждая людей в той великой исторической правде, которая записана в проекте Программы КПСС четкими, энергичными словами:

«Человечество не хочет и не будет мириться с исторически изжившей себя системой капитализма».

Пожелаем же нашему театру в новом сезоне всегда быть на уровне высоких, боевых горьковских традиций, традиций социалистического реализма.

Д. ОРДИНСКИЙ.